

Иван Тургенев

**История лейтенанта
Ергунова**

Иван Сергеевич Тургенев

История лейтенанта Ергунова

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004245*

Аннотация

Не все читатели и критики произведений Тургенева признавали даже чисто литературные достоинства рассказа «История лейтенанта Ергунова». Критик П. М. Ковалевский заявлял, что рассказ написан Тургеневым «впопыхах и фельетонно». Это мнение, сообщенное Тургеневу Полонским, поразило писателя своей несправедливостью. В письмах к М. В. Авдееву от 18 (30) апреля 1868 г. и 13 (25) января 1870 г. он защищал свое произведение от этих нападков и раскрывал те психологические задачи, которые ставил перед собой, создавая его. Особенное сопротивление вызывали у него попытки мистического истолкования рассказа. «...что собственно мистического в „Ергунове“, я понять не могу – ибо хотел только представить незаметность перехода из действительности в сон, что всякий на себе испытал; но могу Вас уверить, что меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая ее передача; а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен...»

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	9
V	12
VI	13
VII	15
VIII	17
IX	21
X	24
XI	26
XII	28
XIII	30
XIV	31
XV	35
XVI	38
XVII	41
XVIII	43
XIX	44
XX	46
XXI	51
XXII	54
XXIII	56

XXIV	58
XXV	59
XXVI	61
XXVII	63
XXVIII	66
Примечания	67
Источники текста	67
Условные сокращения	81
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

История лейтенанта Ергунова

I

...В тот вечер Кузьма Васильевич Ергунов рассказал нам опять свою историю. Он повторял ее аккуратно раз в месяц, и мы слушали ее каждый раз с новым удовольствием, хотя знали ее чуть не наизусть, со всеми ее подробностями. Подробности эти обросли, если можно так выразиться, первоначальный ствол самой истории, как опенки обрастают срубленный пень. Слишком хорошо зная характер нашего собеседника, мы не затруднялись пополнять его недомолвки и пропуски. Но с тех пор Кузьма Васильевич умер, и уже рассказывать его историю будет некому, а потому мы и решаемся довести ее до всеобщего сведения.

II

Случилась она лет сорок тому назад, во время молодости Кузьмы Васильевича. Сам он говорил про себя, что был он тогда франт и красавец, кровь с молоком, губы имел румяные, волосы кудрявые и очи соколиные. Мы верили ему на слово, хотя ничего подобного в нем не находили: на наши глаза Кузьма Васильевич представлялся человеком наружности весьма обыкновенной, с простым и как бы заspanным лицом, грузным и нескладным телом. Но и то сказать: годы хоть какую красоту исказят! Следы франтовства более ясно сохранились в Кузьме Васильевиче. Он до старости носил узкие панталоны со штрипками, перетягивал свой дебелий стан, на затылке стриг, на лбу завивал свои волосы, и усы красил персидскою фаброй, которая, впрочем, отливала больше багрянцем и даже зеленою, чем чернотой. Со всем тем Кузьма Васильевич был весьма достойный дворянин, хотя за преферансом любил «запускать *глазенапа*» к соседям, то есть заглядывать им в карты; но это он делал не столько из жадности, сколько из бережливости, ибо не любил попусту тратить деньги. Однако в сторону прибаутки: приступим к самому делу.

III

Дело это происходило весной, в тогда еще новом городе Николаеве,^[1] куда Кузьма Васильевич был откомандирован по казенному поручению. (Он служил лейтенантом во флоте.) Начальство вверило ему, как надежному и благоразумному офицеру, надзор за какими-то морскими постройками и от времени до времени выдавало в его распоряжение довольно значительные суммы, которые он, для большей безопасности, постоянно носил в кожаном поясе на теле. Кузьма Васильевич действительно отличался благоразумием и, несмотря на свои молодые годы, вел себя примерно; всяких неприличных поступков избегал тщательно, не прикасался карт, вина не пил и даже общества чуждался, так что товарищи его, смирные – прозывали его красною девицей, а буйные – мямлей и рохлей. За Кузьмой Васильевичем водился один только грешок: он питал сердечную склонность к прекрасному полу; однако и тут умел сдерживать свои порывы и никакого «малодушества» себе не позволял. Он вставал и ложился спать рано, добросовестно исполнял свою обязанность, и единственное его развлечение состояло в вечерних, довольно продолжительных, прогулках по загородным улицам Николаева. Книг он не читал, ибо боялся приливов в голове; каждую весну он пил особый декокт против полнокровия. Надев мундир и старательно обчистившись веничком, Кузь-

ма Васильевич отправлялся степенным шагом вдоль заборов фруктовых садов, часто останавливался, любовался красотами природы, срывал цветок на память и чувствовал некоторое удовольствие; но особенное наслаждение испытывал он только тогда, когда ему случалось встретить «купидончика», то есть хорошенькую мешаночку, спешившую домой в накинутой на плечи душегрейке, с узелком в голенькой ручке и с пестрым платочком на голове. Будучи, как он сам выражался, комплекции чувствительной, но скромной, Кузьма Васильевич не заговаривал с «купидончиком», зато приветливо улыбался ему, долго и внимательно глядел ему вслед... Потом вздыхал глубоко, отправлялся тем же степенным шагом домой, садился у окошка и мечтал с полчаса, бережно покуривая крепкий вагштаф из большой пенковой трубки, подаренной ему крестным отцом, квартальным надзирателем из немцев. Так проходили дни, ни весело, ни скучно.

IV

Вот однажды, возвращаясь перед сумерками пустым переулком к себе на квартиру, Кузьма Васильевич услышал за собой торопливые шаги и прерывистые слова, смешанные с рыданиями. Он оглянулся и увидел девушку лет двадцати, с чрезвычайно приятным, но совершенно расстроенным и заплаканным лицом. Казалось, ее постигло большое и неожиданное горе: она бежала и спотыкалась на бегу, говорила сама с собой, охала, махала руками; ее белокурые волосы растрепались, а косынка (тогда еще не знали ни бурнусов, ни мантилий) соскользнула с плеч и держалась на одной булавке. Одета была девушка как барышня, не как мещанка.

Кузьма Васильевич посторонился; чувство сострадания победило в нем опасение смалодушничать, и когда она с ним поравнялась, он вежливо прикоснулся к козырьку своего кивера и спросил ее о причине ее слез.

– Потому, – прибавил он и положил руку на кортик, – я, как военный человек, могу помочь.

Девушка остановилась и, по-видимому, в первое мгновение не совсем ясно поняла, чего он хотел от нее; но тотчас же, как бы обрадовавшись случаю высказаться, заговорила на не совсем чистом русском языке.

– Помилуйте, господин офицер, – начала она, и слезы посыпались дождем по ее миловидным щекам, – что же это та-

кое! Это ужаси, это бог знает что! Нас совсем ограбили, помилуйте! Кухарка всё, всё унесла, всё – сервиз, щикатулку и платье... да... и платье даже, и чулки, и белье... да... и тенькин ридикюль, там еще была двадцатипятирублевая бумажка в такой маленький футляр, и две ложки анпликэ... и еще салоп, и всё... И это я всё говорю господину квартальному поручику, а господин квартальный поручик говорит: «Подите вон, не верю, не верю... Слышать, слышать не хочу, вы сами такие же!» Я говорю: «Помилуйте, салоп...», а он: «Слышать, слышать не хочу!» Так обидно, господин офицер! Подите, говорит, вон... вон!.. Да куда же я пойду?

Девушка судорожно, почти с воплем зарыдала и, совершенно растерявшись, приклонилась к рукаву Кузьмы Васильевича... Он смутился в свою очередь – и замер на месте, только изредка повторяя: «Полноте, полноте!», а сам всё глядел на тонкий, беспрестанно вздрагивавший затылок огорченной девушки.

– Позвольте, я провожу вас, – сказал он наконец, слегка касаясь указательным пальцем ее плеча, – а то тут на улице, вы понимаете, никак невозможно. Вы объясните мне ваше неудовольствие, и, конечно, я приложу всё старание... как офицер.

Девушка приподняла голову и, казалось, в первый раз хорошо разглядела молодого человека, который, можно сказать, держал ее в своих объятиях. Она застыдилась, отвернулась и, всё еще всхлипывая, отошла немного в сторо-

ну. Кузьма Васильевич возобновил свое предложение. Девушка посмотрела на него искоса, сквозь мокрые от слез волосы, падавшие ей на лицо (Кузьма Васильевич на этом месте рассказа всякий раз уверял нас, что этот взгляд пронзил его «словно шилом», а однажды даже попытался представить нам этот удивительный взгляд), и, положив свою руку на подставленную калачиком руку услужливого лейтенанта, отправилась вместе с ним на свою квартиру.

V

Кузьма Васильевич в жизни своей мало имел обращения с дамами и потому затруднялся, с чего бы начать беседу, но спутница его сама залепетала весьма речисто, беспрестанно утирая беспрестанно накопившиеся слезы. Несколько мгновений спустя Кузьма Васильевич уже знал, что ее звали Эмилией Карловной, что она была родом из Риги, а в Николаев приехала погостить к своей тетеньке, которая тоже была из Риги, что ее папенька также служил в военной службе, но умер «от груди»; что у тетеньки была кухарка из русских, очень хорошая и дешевая, только без паспорта, и что самая та кухарка в самый тот день их обокрала и сбежала неизвестно куда. Надо было идти в полицию – in die Polizei... Но тут воспоминания о квартальном, о нанесенной обиде нахлынули снова... и снова разразились рыдания. Кузьма Васильевич опять затруднился, что бы сказать такое утешительное... Но девушка, у которой, по-видимому, все впечатления и приходили и уходили очень скоро, внезапно остановилась и, протянув руку, спокойно промолвила:

– А вот наша квартира!

VI

Квартира эта состояла из плохенького, словно в землю вросшего домика, с четырьмя крошечными окошками на улицу. Темная зелень гераниума застилала их изнутри, в одном из них теплилась свечка: ночь уже надвигалась. От самого домика и почти в уровень с ним тянулся бревенчатый забор с едва заметною калиткой. Девушка подошла к ней и, найдя ее запертою, нетерпеливо заколотила железным кольцом заржавелого замка. Послышались за забором тяжелые шаги, словно кто шел, небрежно шаркая, в стоптанных туфлях, и хриплый женский голос спросил что-то по-немецки, чего Кузьма Васильевич не понял: он, как истый моряк, не знал ни одного языка, кроме русского. Девушка отвечала тоже по-немецки; калитка чуть-чуть отворилась и, впустив девушку, тотчас захлопнулась перед самым носом Кузьмы Васильевича, который, однако, успел разглядеть среди полумрака летних сумерек облик толстой старухи в красном платье, с тусклым фонарем в руке. Пораженный изумленьем, Кузьма Васильевич остался некоторое время неподвижен на улице; но при мысли, что с ним, военным офицером, так невежливо поступают (Кузьма Васильевич весьма дорожил своим званием), он почувствовал прилив негодования, круто повернул налево кругом и направился домой. Он еще десяти шагов не отошел, как калитка опять отворилась, и девушка,

уже успевшая пошептаться со старухой, показалась на пороге и громко воскликнула:

– Куда же вы, господин офицер! Пожалуйте к нам!

Кузьма Васильевич поколебался немного, однако вернулся.

VII

Его новая знакомая, которую мы отныне будем звать Эмилией, ввела его через темный и сырой чуланчик в довольно большую, но низкую и неопрятную комнату, с громадным шкафом у задней стены, клеенчатым диваном, облупившимися портретами двух архиереев в клобуках и одного турка в чалме над дверями и между окон, картонами и коробками по углам, разрозненными стульями и кривоногим ломберным столом, на котором лежала мужская фуражка возле недопитого стакана с квасом. Вслед за Кузьмой Васильевичем вошла в комнату и замеченная им у калитки старуха в красном платье, которая оказалась весьма неблагообразною жидовкой, с угрюмыми свиными глазками и седыми усами на одутловатой верхней губе. Эмилия указала на нее Кузьме Васильевичу и промолвила:

– А вот моя тетенька, мадам Фритче.

Кузьма Васильевич несколько удивился, однако почел долгом отрекомендоваться. Мадам Фритче посмотрела на него исподлобья, ничего ему не ответила и спросила свою племянницу по-русски: не хочет ли она чаю?

– Ах да, чаю! – подхватила Эмилия, – не правда ли, господин офицер, вы будете кушать чай? Да, тантушка, дайте чаю!.. Но что же вы стоите, госцодин офицер? Садитесь! Ах, какой вы церемонный! Позвольте, я сниму косынку.

Когда Эмилия говорила, она беспрестанно поворачивала голову из стороны в сторону и подергивала плечиками; птицы так делают, когда сидят на высокой голой ветке и со всех сторон освещены солнцем.

Кузьма Васильевич опустил на стул и, придав осанке своей надлежащую важность, а именно подпершись кортиком и устремив глаза на пол, навел речь на покражу. Но Эмилия тотчас перебила его.

– Не беспокойтесь, это ничего; тетенька мне сейчас сказала, что главные вещи сысканы. (Мадам Фритче проворчала что-то себе под нос и вышла вон.) И совсем не надо было ходить в Polizei; но я никак не могу утерпеть, потому я такая... Вы не понимаете по-немецки?.. такая быстрая, immer so rasch! Но я уже не думаю об этом... aber auch gar nicht!¹

Кузьма Васильевич посмотрел на Эмилию. Действительно, лицо ее приняло выражение самое беззаботное. Всё в нем улыбалось, в этом хорошеньком личике: и опущенные почти белыми ресницами глаза, и губы, и щеки, и подбородок, и ямочка на подбородке, и самый даже кончик вздернутого носа. Она подошла к маленькому зеркальцу возле шкафа и, попевая сквозь зубы и шурясь, стала поправлять волосы. Кузьма Васильевич пристально следил за ее движениями... Очень она ему правилась.

¹ ну, даже нисколько! (нем.).

VIII

– Вы меня извините, – заговорила она снова, слегка повертываясь перед зеркалом, – что я вас так... привела к себе. Может быть, вам неприятно?

– О, помилуйте!

– Я вам уже сказала: я такая быстрая. Сперва сделаю, потом подумаю. А иногда даже и не подумаю... Как вас зовут, господин офицер? Можно спросить? – прибавила она, подойдя к нему и скрестив руки.

– Меня зовут Ергунов, Кузьма Васильев.

– Ергу... Ах, это имя не хорошо!.. То есть трудно для меня. Я буду вас звать господин Флбрестан. У нас в Риге был один господин Флбрестан. Он продавал отличный гроденапль в магазине и был красавец. Не хуже вас. Но какой вы широкоплечий! Настоящий русский молодец! Я люблю русских... я сама русская... мой папенька был офицер. А руки у меня белее ваших! – Она подняла их над головой, помахала ими несколько раз по воздуху для того, чтобы кровь от них оттекла, и тотчас их опустила. – Видите? Я их мою греческим мылом... с духами... Понюхайте... Ах! да не целуйте... Я не затем... Где вы служите?

– Я служу в девятнадцатом черноморском экипаже, во флоте.

– А! Вы моряк! А что же, у вас большое жалованье?

– Нет... не очень-с.

– Вы, должно быть, очень храбры. Это сейчас видно по вашим глазам. Какие у вас густые брови! Говорят, их надо на ночь салом мазать, чтобы росли. Но отчего у вас усов нет?

– По форме не полагается.

– Ах, это нехорошо! Что это у вас, кинжал?

– Это кортик; кортик, так сказать, принадлежность моряков.

– А, кортик! Что, он острый? Можно посмотреть? – Она с усилием, закусив губы и щурясь, вытасила лезвие из ножен и приложила к нему носом. – О, какой тупой! Этак я вас сейчас убить могу.

Она замахнулась на Кузьму Васильевича. Он притворился, что испугался, и засмеялся. И она засмеялась.

– Ihr habt pardon, вы помилованы, – промолвила она, приняв величественную позу. – На, возьмите ваше оружие! А сколько вам лет? – спросила она вдруг.

– Двадцать пять.

– А мне девятнадцать! Как это смешно! Ах!

И Эмилия залилась таким звонким хохотом, что даже назад немного опрокинулась. Кузьма Васильевич не поднимался со стула и еще пристальнее прежнего глядел на ее розовое, трепетавшее от смеха лицо, и нравилась она ему всё больше и больше.

Эмилия вдруг умолкла и, напевая сквозь зубы – такая у ней была привычка, – снова подошла к зеркалу.

– Вы умеете петь, господин Флорестан?

– Никак нет-с. Не выучен-с.

– А играть на гитаре? Тоже нет? А я умею. У меня есть гитара с перленмуттер², только струны порваны. Надо будет купить. Вы мне дадите денег, господин офицер? Я вам спою прекрасный немецкий романс. – Она вздохнула и закрыла глаза. – Ах, такой прекрасный! Но танцевать вы умеете? И это нет? *Unmöglich!*³ Я вас выучу. Лакосез и вальс-казак. Тра-ла-ла, тра-ла-ла, тра-ла-ла... – Эмилия подпрыгнула раза два. – Посмотрите, какие у меня ботинки! «З'Варшавы». О! мы будем танцевать с вами, господин Флорестан! Но как вы называть меня будете?

Кузьма Васильевич осклабился и покраснел до ушей.

– Я буду вас звать: прекраснейшая Эмилия!

– Нет! нет! Вы должны звать меня: *Mein Schätzchen, mein Zuckerpüppchen!*⁴ Повторяйте за мною.

– С величайшим моим удовольствием, но я боюсь, для меня будет затруднительно...

– Всё равно, всё равно. Скажите: *Mein...*

– Мэ... ин...

– *Zucker...*

– Цук... кер...

² перламутром (нем.).

³ Невозможно! (нем.).

⁴ Сокровище мое, душенька! *Буквально:* Сокровище мое, сахарная куколка! (нем.).

– Püppchen! Püppchen! Püppchen!

– Пю... Пю... Этого я не могу-с. Нехорошо что-то выходит.

– Нет! Вы должны... Вы должны! А вы знаете, что это значит? Это по-немецки самое приятное для барышень слово. Я вам это растолкую после. А теперь вот тетенька нам самовар несет. Bravo! bravo! Тетенька, я буду пить чай со сливками... Есть сливки?

– So schweige doch!⁵ – отвечала тетенька.

⁵ Да замолчи же! (нем.).

IX

Кузьма Васильевич просидел у мадам Фритче до полуночи. С самого своего приезда в Николаев он еще не проводил такого приятного вечера. Правда, ему не раз приходило в голову, что офицеру и дворянину не следовало бы знаться с особами вроде рижской уроженки и ее «тантушки», но Эмилия такая была хорошенькая, так забавно болтала, так ласково на него поглядывала, что он махнул рукой на свое происхождение, звание и решился на этот раз пожить в «собственное удовольствие». Одно только обстоятельство его смутило и оставило в нем впечатление не совсем приятное. В самом разгаре разговора между им, Эмилией и мадам Фритча дверь из передней комнаты чуть-чуть растворилась, и мужская рука в темном обшлагае с тремя крошечными серебряными пуговками тихонько высунулась и тихонько положила на стул возле двери довольно большой узел. Обе дамы тотчас бросились к стулу и начали рассматривать принесенное. «Да это не те ложки!» – воскликнула Эмилия, но тетка толкнула ее локтем и унесла узел, не завязав концов. Кузьме Васильевичу показалось, как будто один из них был запачкан чем-то красным, словно кровью...

– Что это? – спросил он Эмилию. – Вам еще несколько краденых вещей возвратили?

– Да, – отвечала Эмилия, как бы нехотя, – еще.

– Эта слуга ваш их отыскал?

Эмилия нахмурилась.

– Какой слуга? У нас нет никакого слуги.

– Так другой какой мужчина?

– К нам мужчины не ходят.

– Однако позвольте, позвольте... Я видел обшлаг мужского сюртука или венгерки. И, наконец, эта фуражка...

– К нам никогда, никогда мужчины не ходят... – настойчиво повторила Эмилия. – Что вы видели... Ничего вы не видели! А фуражка эта моя.

– Как так?

– Да так. Случится в маскарад... Ну да, моя, und Punctum!⁶

– А кто ж вам узел-то принес?

Эмилия ничего не отвечала и, надув губы, вышла из комнаты вслед за мадам Фритче. Спустя минут десять она вернулась одна, без тетки, и когда Кузьма Васильевич снова принялся ее расспрашивать, она посмотрела ему в лоб, сказала, что стыдно быть кавалеру любопытным (при этих словах лицо ее немного изменилось, словно потемнело) и, достав из ломберного стола колоду старых карт, попросила его погадать на ее счастье и на червонного короля.

Кузьма Васильевич засмеялся, взял карты, и всякие нехорошие мысли тотчас выскочили у него из головы.

Но они еще раз вернулись к нему в тот же день. А именно:

⁶ и точка! (нем.).

он уже вышел из калитки на улицу, уже простился с Эмилией, в последний раз крикнув ей «Adieu, Zuckerpüppchen!»⁷, как вдруг мимо его прошмыгнул человек невысокого роста и, обернувшись на миг в его сторону (ночь давно наступила, но луна светила довольно ярко), выставил цыганское худощавое лицо с черными густыми бровями и усами, черными глазами и крючковатым носом. Человек этот тотчас бросился за угол, а Кузьме Васильевичу показалось, что он узнал не лицо его, – он никогда не видал его прежде, – а обшлаг его рукава: три серебряные пуговицы явственно сверкнули на луне. Тревожное недоумение зашевелилось в душе осторожного лейтенанта; вернувшись домой, он не закурил, по обыкновению, своей пенковой трубки. Впрочем, неожиданное знакомство с любезною Эмилией и приятные часы, проведенные в ее обществе, способствовали взволнованному настроению его чувств.

⁷ Прощай, душенька! *Буквально: Прощай, сахарная куколка! (нем.).*

Х

Какие бы ни были опасения Кузьмы Васильевича, они рассеялись скоро и не оставили следа. Он стал частенько наведываться к обеим дамам из Риги. Влюбчивый лейтенант сблизился с Эмилией. Сперва он стыдился этой близости, скрывал свои посещения, потом перестал стыдиться и скрываться; кончилось тем, что он охотнее сидел у своих новых знакомых, чем у кого бы то ни было, не говоря уже о собственных не слишком веселых четырех стенах. Сама мадам Фритче уже не возбуждала в нем неприятных ощущений, хотя обращалась с ним неприветливо и угрюмо по-прежнему. Особы мало зажиточные, подобные госпоже Фритче, в гостях своих преимущественно ценят щедрость; а Кузьма Васильевич был скупенек и дарил больше изюмом, грецкими орехами, пряниками... Только раз он, по собственному выражению, «разорился», поднес Эмилие легонькую розовую косынку настоящей французской материи; а она в тот же день прожгла на свечке его подарок. Он стал ей выговаривать: она нацепила косынку на хвост кошке; он рассердился; она рассмеялась ему в нос. Кузьма Васильевич должен был, наконец, самому себе сознаться, что он не только не пользовался уважением дам из Риги, но даже доверия их не заслужил: его никогда не впускали разом, без предварительного осмотра; иногда заставляли дожидаться, иногда отсылали

прочь безо всякой церемонии и, желая что-нибудь скрыть от него, беседовали при нем по-немецки. Эмилия не отдавала ему никакого отчета в своих поступках и на его вопросы отвечала как-то вскользь, словно не расслышав его слов; а главное: некоторые комнаты в доме мадам Фритче, который был довольно обширен, хотя с улицы казался лачужкой, оставались для него постоянно закрытыми. За всем тем Кузьма Васильевич не прекращал своих посещений, а, напротив, учащал их: он все-таки живых людей видел. Самолюбие его удовлетворялось также и тем, что Эмилия продолжала называть его Флорестаном, находила его красавцем необыкновенным и уверяла, что у него глаза, как у райской птицы, «wie die Augen eines Paradiesvogels!»

XI

Однажды, в самый развал лета, в полдень, Кузьма Васильевич, провозившись целое утро на солнце с подрядчиками и работниками, притащился измученный, разбитый к калитке слишком известного ему домика. Он постучался; его пропустили. Он ввалился в так называемую гостиную и тотчас же прикорнул на диване. Эмилия подошла к нему и отерла платком его взмокший лоб.

– Как он устал, мой крошка! Как ему жарко! – проговорила она с соболезнаванием. – Боже мой! хоть бы воротник расстегнул. Господи! Так душка и прыгает.

– Умаялся я, дружок, – простонал Кузьма Васильевич. – С утра на ногах, да на самом всё припеке. Беда! Домой хотел идти. Там опять эти аспиды, подрядчики! А у вас тут прохлада... кажется, соснул бы.

– Ну что же? Почивай, мой цыпленочек; здесь никто не мешает...

– Да совестно как будто...

– В-вот, что за совесть! Почивай. А я тебя буду... как это по-вашему?.. байбайкать. «Schlaf, mein Kindchen, schlafe!»⁸ – запела она.

– Водицы бы сперва испить...

⁸ Спи, дитяtko, усни! (нем.).

– Вот тебе стакан воды. Свежая! Как кристалл! Постой, я подушечку под голову положу... А вот это от мух.

Она закрыла ему лицо платком.

– Спасибо, купидончик... Я только так... вздремну маленько...

Кузьма Васильевич закрыл глаза и заснул немедленно.

– «Schlaf, mein Kindchen, schlafe!» – напевала Эмилия, покачиваясь из стороны в сторону и сама тихонько подсмеиваясь и песенке своей и своим движениям.

«Какое у меня большое дитя! – думала она. – Мальчик!»

XII

Часа через полтора лейтенант проснулся. Ему чудилось сквозь сон, как будто кто-то его трогает, наклоняется, дышит над ним. Он ощупался, сдернул платок. Эмилия стояла на коленях близехонько возле него; выражение ее лица показалось ему странным. Она тотчас же вскочила, отошла к окошку и спрятала что-то в карман.

Кузьма Васильевич потянулся.

– Однако ж я-таки всхрипнул лихо! – промолвил он зевая. – Поди-ка сюда, мэйне зюссе фрейлен!⁹

Эмилия подошла к нему. Он проворно приподнялся, сунул руку в ее карман и достал небольшие ножницы.

– Ach, Herr Je!¹⁰ – невольно воскликнула Эмилия.

– Это... это ножницы? – пробормотал Кузьма Васильевич.

– Ну да, конечно. А ты что думал... пистолет? Ах, какое у тебя смешное лицо! Измято, как подушка, и волосы на затылке все кверху... И не смеется... Ах, ах! И глаза опухли... Ах!

Эмилия захохотала.

– Ну, будет, – проворчал Кузьма Васильевич и встал с дивана. – Будет зубы-то без толку скалить. Коли ничего умнее

⁹ Правильно: mein süßes Fräulein – милая барышня! *Буквально*: сахарная барышня! (нем.).

¹⁰ Ах, господи Иисусе (нем.).

придумать не можешь, я ведь уйду... Я уйду, – повторил он, видя, что она не понимает.

Эмилия умолкла.

– Ну, полно, оставайся; я не стану... Только волосы поправить надо...

– Нет, что ж... Оставь! Я лучше уйду, – сказал Кузьма Васильевич и взялся за фуражку.

Эмилия надулась.

– Фуй, какой злой! Настоящий русский! Все русские злые! Вот он уходит. Фуй! Вчера мне пять рублей обещал, а сегодня ничего не дает и уходит.

– У меня с собой денег нет, – буркнул Кузьма Васильевич уже в дверях. – Прощай!

Эмилия посмотрела ему вслед и погрозила пальцем.

– Денег нет! Слышите, слышите, что говорит! Ох, какие обманщики эти русские! Но погодите, мопс вы этакой... Тантушка, пожалуйста-ка сюда, я вам что скажу.

Вечером того же дня Кузьма Васильевич, ложась спать и раздеваясь, заметил, что в верхнем крае его кожаного пояса вершка на полтора распоролся шов. Как человек аккуратный, он тотчас достал иголку и нитку, навошил ее и сам зашил прореху, а впрочем, не обратил никакого внимания на это, по-видимому, ничтожное обстоятельство.

XIII

Весь следующий день Кузьма Васильевич посвятил служебным обязанностям; он не выходил из дому даже после обеда – и вплоть до ночи, в поте лица, строчил и переписывал набело рапорт к начальству, немилосердно путая буквы *n* и *e*, всякий раз ставя после «но» восклицательный знак, а после «впрочем» – точку с запятой. На другое утро босоногий жиденок, в изорванном халате, принес ему письмо от Эмилии – первое письмо, полученное от нее Кузьмой Васильевичем: «Mein allerliebster Florestan¹¹ – писала она ему, – неушта ты так рассердился на твою Zuckerpüppchen, што не пришел вчирась? Пожалуста, не сердись, если ты не хочешь, штоп твоя веселая Эмилия очень много плакала, и приходи непременно сиводни в 5 часов вечера». (Цифра 5 была окружена двумя венками.) «Я очень, очень буду рада. Твоя любезная Эмилия». Кузьма Васильевич внутренне подивился учености своей любезной, дал жиденку грош и велел сказать, что хорошо, мол, приду.

¹¹ Любезнейший Флорестан (нем.).

XIV

Кузьма Васильевич сдержал слово: пяти часов еще не пробило, как уж он стоял перед калиткой госпожи Фритче. Но, к удивлению своему, он не застал Эмилии дома; его встретила сама хозяйка и, сделав предварительно – о, чудо! – книксен, сообщила ему, что по непредвиденным обстоятельствам Эмилия принуждена была отлучиться, но что она скоро вернется и просит его подождать ее. На госпоже Фритче был опрятный белый чепец; она улыбалась, говорила вкрадчивым голосом и, очевидно, старалась придать приветливое выражение своему угрюмому лицу, которое, впрочем, несколько от этого не выигрывало, а, напротив, принимало какой-то зловещий оттенок.

– Вы, господин, присядьте, присядьте, – твердила она, подвигая кресло, – а мы вас, если позволите, попотчuem!

Мадам Фритче еще раз сделала книксен, вышла из комнаты и скоро вернулась с чашкой шоколада на маленьком железном подносе. Шоколад оказался качества сомнительного, однако Кузьма Васильевич выпил всю чашку с удовольствием, хотя решительно не мог понять, откуда бралась такая прыть у мадам Фритче и что всё это значило? Со всем тем Эмилия не приходила, и он начинал терять терпение и скучать, как вдруг ему послышались за стеной звуки гитары. Сперва раздался один аккорд, потом другой, третий, четвер-

тый – всё громче, громче и полней. Кузьма Васильевич изумился: у Эмилии точно была гитара, но с тремя струнами; он всё еще не собрался купить ей остальные; притом же Эмилии дома не было. Кто ж это мог быть? Опять раздался аккорд, и так звонко, словно в самой комнате... Кузьма Васильевич обернулся и чуть не вскрикнул от испуга. Перед ним, на пороге низенькой двери, которой он до тех пор не заметил, – тяжелый шкаф ее задвигал, – стояло неизвестное существо: дитя не дитя, и не взрослая девушка. Одета она была в белое платье с пестрыми разводами и красные башмаки с каблучками; прихваченные сверху золотым ободком, густые черные волосы падали в виде плаща с небольшой головки на худенькое тело. Из-под мягкой их громады блестели темным блеском огромные глаза; голые смуглые ручки, обремененные запястьями и кольцами, неподвижно держали гитару. Лица почти не было видно: так оно казалось мало и темно, только губы алели да обозначался узкий прямой нос. Кузьма Васильевич долго стоял как вкопанный и пристально, не смигнув ни разу, глядел на это странное существо; и оно на него глядело и тоже не мигало и не шевелилось. Наконец он очнулся и маленькими шажками подошел к нему.

Темное личико начало понемногу улыбаться, белые зубки сверкнули вдруг, головка приподнялась и, чуть-чуть встряхнув кудрями, показалась во всей своей резкой и тонкой красоте. «Это что за бесенок?» – подумал Кузьма Васильевич и, нагнувшись еще поближе, промолвил вполголоса:

– Фигурка! Эй, фигурка! Кто вы такая?

– Сюда, сюда, – промолвила немного сиплым голосом, нерусским, медлительным говором и с неверными ударениями «фигурка» и подалась назад шага на два.

Кузьма Васильевич вслед за ней переступил порог и очутился в крохотной комнатке без окон, обитой по стенам и по полу толстыми коврами из верблюжьей шерсти. Сильный запах мускуса так и обдал его. Две желтые восковые свечи горели на круглом столике перед низким турецким диванчиком. В углу стояла кроватка под кисейным пологом с шелковыми полосками, и длинные янтарные четки, с красной кистью на конце, висели близ изголовья.

– Да позвольте наконец, кто вы такая? – повторил Кузьма Васильевич.

– Сёстра... сёстра Эмилии.

– Вы ее сестра? И здесь живете?

– Да... да...

Кузьма Васильевич захотел прикоснуться к «фигурке». Она отшатнулась.

– Как же это она никогда мне о вас не говорила?

– А нельзя... нельзя...

– Вы, стало быть, скрываетесь... прячетесь?

– Да...

– Есть такая причина?

– Есте... есте.

– Гм! – Кузьма Васильевич опять захотел прикоснуться к

«фигурке», она опять отшатнулась. – То-то я вас никогда не заметил. Я, признаюсь, и существования вашего не подозревал. И мадам Фритче, старуха эта, вам тоже доводится теткой?

– Да... тóтка.

– Гм! Вы как будто по-русски плохо понимаете. Как вас зовут, позвольте узнать?

– Кóлибри.

– Как?

– Кóлибри.

– Кóлибри? Вот необыкновенное имя! Это, помнится, в Африке бывают такие насекомые?

XV

Колибри засмеялась коротким странным смехом... точно у ней в горле стеклышки столкнулись. Она покачала головой, повела кругом глазами, положила гитару на стол и, проворно подойдя к двери, разом ее притворила. Она двигалась живо и ловко, с едва слышным быстрым шумом, как ящерица; сзади ее волосы спускались ниже колен.

– А зачем вы дверь-то заперли? – спросил Кузьма Васильевич. Колибри приложила палец к губам:

– Эмилия... Не надо... ее не надо.

Кузьма Васильевич ухмыльнулся.

– Уж не ревнуете ли вы?

Колибри приподняла брови.

– Цо?

– Ревнуете... сердитесь, – объяснил Кузьма Васильевич.

– О да!

– Вот как! Много чести!.. Послушайте, сколько вам лет?

– Семинадцать.

– Семнадцать, вы хотите сказать?

– Да.

Кузьма Васильевич окинул внимательным взором свою фантастическую собеседницу.

– Какая же вы красоточка, – проговорил он внушительно. – Чудо, просто чудо! Что за волосы! Глаза! А брови-то,

брови!.. У!

Колибри опять засмеялась и опять повела своими велико-
лепными глазами.

– Да, я красавица! Садитесь, и я сяду... подле.

– Извольте, извольте... Но, воля ваша, какая же вы сестра
Эмилии? Вы на нее нисколько не похожи.

– Нет... я сестра... куджйна. Вот... возьмите... светок.
Хороший светок. Пахнет. – Она вынула из-за пояса ветку бе-
лой сирени, понюхала, откусила лепесток и подала ему всю
ветку. – Хотите варенья? Хорошее... из Константинополи...
шербет. – Колибри достала из небольшого комода оберну-
тую в кусок алой шелковой материи, со стальными блестя-
ми, раззолоченную баночку, серебряную ложечку, хрусталь-
ный граненый графинчик с водой и такой же стаканчик. –
Кушайте шербет, господин; он очень прекрасный. Я вам бу-
ду петь... Хотите? – Она схватила гитару.

– А вы поете? – спросил Кузьма Васильевич, кладя себе в
рот ложку действительно превосходного шербету.

– О да! – Она откинула назад свою косу, наклонила голо-
ву набок и взяла несколько аккордов, старательно глядя на
концы своих пальцев и на ручку гитары... потом вдруг за-
пела не по росту сильным и приятным, но гортанным и для
уха Кузьмы Васильевича несколько диким голосом. «Ах ты,
моя кошечка!» – подумал он. Пела она песню заунывную,
нисколько не русскую и на языке, совершенно Кузьме Васи-
льевичу не знакомом. По его уверению, звуки: «кха, гха» –

то и дело слышались в пении, а под конец она протяжно повторила: «синтамар» или «синцимар», что-то в этом вкусе, подперлась рукой, вздохнула и опустила гитару на колени. – Хорошо? – спросила она. – Еще хотите?

– С моим удовольствием, – отвечал Кузьма Васильевич. – Только зачем это у вас такое лицо, словно всё печальное? Вы бы шербету откушали.

– Нет... вы сами. А я еще... Эта будет веселей. – Она спела другую песенку, вроде плясовой, на том же непонятном языке. Опять послышались Кузьме Васильевичу прежние гор-танные звуки. Ее смуглые пальчики так и бегали по струнам, «как паучки». И кончила она этот раз тем, что бойко крикнула: «Ганда!» или «Гасса!» – и застучала кулачком по столу, сверкая глазами...

XVI

Кузьма Васильевич сидел как отуманенный. Голова у него кружилась. Так это всё было неожиданно... Да и запах этот, пение... свечи днем... шербет с ванилью... А тут Колибри всё ближе к нему подвигается, волосы ее блестят и шуршат, и пышет от нее жаром, и это печальное лицо... «Русалка!» – подумал Кузьма Васильевич. Неловко ему что-то становилось.

– Душечка моя, – промолвил он, – признайтесь, что вам вздумалось меня сегодня к себе позвать?

– Вы молбдой, хорошенький... Я таких люблю.

– А, вот что! Но что скажет Эмилия? Она мне письмо написала: она должна сейчас прийти.

– Вы не говорите ей... ничего! Беда! Убьет!

Кузьма Васильевич засмеялся.

– Будто она такая злая?

Колибри несколько раз с важностью качнула головой.

– И мадам Фритче тоже ничего. Ни! ни! ни! – Она тихонько постучала себе по лбу. – Понимаешь, офицер?

Кузьма Васильевич нахмурил брови.

– Тайна, значит?

– Да... да.

– Ну, пожалуй... словечка не проню. Только за это ты поцеловать меня должна.

– Нет, после... когда уйдешь.

– Вот еще что выдумала! – Кузьма Васильевич нагнулся было к ней, но она медленно отклонилась и выпрямилась, как уж, на которого набрели в лесной траве. Кузьма Васильевич устался на нее. – Вишь ты, – промолвил он наконец, – злюка какая! Ну, господь с тобою!

Колибри задумалась и обернулась к лейтенанту... Вдруг три мерных глухих удара раздались где-то в доме. Колибри усмехнулась, почти фыркнула.

– Сегодня – нет, завтра – да. Завтра приходи.

– В котором часу?

– В семь... вечером.

– А как быть с Эмилией?

– Эмилия... нет; не будет.

– Ты думаешь? Ну, хорошо. А только ты завтра скажешь мне...

– Цо? (лицо Колибри всякий раз, когда она что спрашивала, принимало детское выражение).

– Зачем ты от меня так долго пряталась?

– Да... да; завтра всё будет; конец будет.

– Смотри же, а я тебе подарочек принесу...

– Нет... не надо.

– Отчего же? Ты вот, я вижу, наряжаться любишь.

– Не надо. Это... это... это... – и она указала пальцем на свое платье, на свои кольца, запястья, на всё, что ее окружало, – это всё мое. Не подарок. Я не беру.

– Как знаешь! А теперь уйти надо?

– О да!

Кузьма Васильевич приподнялся. Колибри тоже встала.

– Прощай, игрушечка! А когда ж поцелуй-то?

Колибри вдруг легко подпрыгнула и, проворно вскинув обе руки вокруг шеи молодого лейтенанта, не поцеловала, а словно клюнула его в губы. Он хотел поцеловать ее в свою очередь, но она мгновенно отскочила прочь и стала за диванчик.

– Так завтра в семь часов? – промолвил он не без смущения.

Она кивнула ему головой и, взяв за конец двумя пальцами длинную прядь собственных волос, прикусила ее своими острыми зубками.

Кузьма Васильевич сделал ей ручкой, вышел и потянул за собою дверь. Он слышал, как Колибри тотчас к ней подбежала... Ключ звонко щелкнул в замке.

XVII

В гостиной госпожи Фритче никого не было. Кузьма Васильевич немедленно отправился в переднюю. Ему не хотелось столкнуться с Эмилией. Хозяйка встретила его на крыльце.

– А! Вы уходите, господин лейтенант... – промолвила она с тою же приторною и зловещею ужимкой. – Эмилиии ждате не будете?

Кузьма Васильевич надел фуражку.

– Мне, доложу вам, сударыня, некогда больше ждате. Я и завтра, может быть, не приду. Так вы ей и скажите.

– Хорошо, скажу. Но ведь вы не соскучились, господин лейтенант?

– Нет-с; я не соскучился.

– То-то же. Прощения просим-с.

– Прощайте-с.

Кузьма Васильевич пришел домой и, растянувшись на постели, погрузился в размышления. Он недоумевал несказанно. «Что за притча во языцех!» – воскликнул он не однажды. И зачем Эмилия ему писала? Назначила свидание и не пришла?.. Он достал ее записку, повертел ее в руках, понюхал – пахло от нее табаком, и в одном месте он заметил поправку: стояло «плакала», а сперва было написано «плакал». Но что же можно извлечь из этого? И возможно ли, чтобы хозяйка ничего не знала? И она... Кто она? Да, кто она? Очарователь-

ная Колибри, эта «игрушечка», эта «фигурка» не выходила у него из головы, и он с нетерпением дожидался завтрашнего вечера, хотя втайне чуть не побаивался самой этой «игрушечки» и «фигурки».

XVIII

На следующий день Кузьма Васильевич отправился перед обедом в ряды и, настойчиво поторговавшись, купил крошечный золотой крестик на бархатной ленточке. «Хотя она и уверяет, – так размышлял он, – что ей никакого подарка не требуется, но нам хорошо известно, что подобные слова обозначают; а наконец, если точно нрав у нее такой бескорыстный – Эмилия не побрезгает». Так размышлял николаевский Дон-Жуан, вероятно, даже не подозревавший в то время, чем был и чем остался в памяти людской настоящий Дон-Жуан. В шестом часу вечера Кузьма Васильевич выбрился тщательно и, послав за знакомым цирюльником, велел хорошенько на помадить и завить себе хохол, что тот и исполнил с особенным рвением, не жалея казенной бумаги на папильотки; потом Кузьма Васильевич надел новый, с иголки, мундир, взял в правую руку пару новых замшевых перчаток и, побрызгав на себя лоделаваном, вышел из дому. Кузьма Васильевич в этот раз гораздо больше хлопотал о своей наружности, чем когда шел на свидание с «Zuckerpüppchen», не потому, что Колибри ему больше нравилась, чем Эмилия, но в «игрушечке» было нечто загадочное, нечто такое, что невольно возбуждало даже то ленивое воображение, каким обладал молодой лейтенант.

XIX

Мадам Фритче встретила его по-вчерашнему и, как бы стакнувшись с ним в условной лжи, снова объявила ему, что Эмилия отлучилась на короткое время и просит ее подождать. Кузьма Васильевич наклонил голову в знак согласия и присел на стул. Мадам Фритче опять улыбнулась, то есть показала свои желтые клыки, и удалилась, не предложив ему шоколаду.

Кузьма Васильевич тотчас вперил взоры в таинственную дверь. Она оставалась закрытою. Он громко кашлянул раза два, как бы давая знать о своем присутствии... Дверь не шелохнулась. Он затаил дыхание, приник ухом... Хотя бы малейший шум или шорох ему слышался; точно всё вымерло кругом... Кузьма Васильевич встал, на цыпочках приблизился к двери – и, напрасно пошарив пальцами, нажал на нее коленом... Не тут-то было. Тогда он нагнулся и раза два произнес усиленным шёпотом: «Кóлибри, Кóлибри... Игрушечка!» Никто не отозвался. Кузьма Васильевич выпрямился, одернул мундир – и, постояв немного на месте, уже более твердыми шагами подошел к окну и забарабанил по стеклам. Он начинал чувствовать досаду, негодование; офицерский гонор заговорил в нем: «Что за вздор! – подумал он наконец, – за кого меня принимают? Коли так, ведь я кулаками застучу. Принуждена она будет откликнуться! Старуха

услышит... Ну что ж? Не я виноват!» Он быстро повернулся на каблуках... Дверь стояла раскрытою наполовину.

XX

Кузьма Васильевич немедленно и снова на цыпочках устремился в потаенную комнатку. На диване, в белом платье с широким красным поясом, лежала Колибри и, закрыв нижнюю часть лица платком, смеялась без шума, но от души. Волосы свои она убрала на этот раз, заплела их в две тугие длинные косы и перевила красными лентами; вчерашние башмачки красовались на ее крошечных, крест-накрест положенных ножках; но самые эти ножки были голы: глядя на них, можно было подумать, что она надела темные шелковые чулки. Диван стоял иначе, чем накануне: ближе к стене; а на столе, на китайском подносе, виднелся толстобрюхий пестрый кофейник, рядом с граненою сахарницей и двумя голубенькими фарфоровыми чашечками. Тут же лежала гитара, и сизый дымок бежал тонкою струйкой с верхушки крупной курительной свечи.

Кузьма Васильевич подошел к дивану и наклонился к Колибри, но, прежде чем он успел промолвить слово, она протянула руку и, не переставая смеяться в платок, запустила свои небольшие жесткие пальцы в его волосы и мгновенно растрепала его благоустроенный кок.

– Это что еще? – воскликнул Кузьма Васильевич, не вполне довольный подобною нецеремонностью в обращении. – Ах ты, шалунья!

Колибри приняла платок от лица.

– Нехорошо так; этак лучше. – Она отодвинулась к одному концу дивана и подобрала ноги. – Садитесь... там.

Кузьма Васильевич сел, куда она ему указывала.

– Зачем же ты удаляешься? – промолвил он после небольшого молчания. – Или ты меня боишься?

Колибри свернулась в клубочек и посмотрела на него сбоку.

– Я не боюсь... Нет.

– Ты не должна меня дичиться, – продолжал наставительным тоном Кузьма Васильевич. – Ты ведь помнишь свое вчерашнее обещание поцеловать меня?

Колибри обхватила свои колени обеими руками, положила на них голову и опять посмотрела на него.

– Помню.

– То-то же. И ты должна сдержать свое слово.

– Да... должна.

– В таком случае... – начал Кузьма Васильевич и подошел было к ней.

Колибри высвободила свои косы, которые она захватила вместе с коленями, и одною из них ударила его по руке.

– Потихе, господин!

Кузьма Васильевич сконфузился.

– Какие у нее глаза, у разбойницы, – пробормотал он как бы про себя. – Однако, – прибавил он, возвысив голос, – зачем же ты звала меня... в таком случае?

Колибри вытянула шею, как птица... Она прислушивалась. Кузьма Васильевич перетревожился.

– Эмилия? – произнес он вопросительно.

– Нет.

– Кто-нибудь другой?

Колибри пожала плечом.

– Да ты что-нибудь слышишь?

– Ничего. – Колибри отвела назад, и тоже птичьим движением, свою небольшую яйцевидную головку, с красивым пробором и короткими вихрами курчавых завитушек на затылке, там, где начинались косы, и опять в клубочек свернулась. – Ничего.

– Ничего! Так я теперь... – Кузьма Васильевич потянулся к Колибри, но тотчас же отдернул руку. На пальце у него оказалась капля крови. – Что за глупости такие! – воскликнул он, встряхивая пальцем. – Вечные эти ваши булавки! Да и какая это к чёрту булавка, – прибавил он, взглянув на длинную золотую шпильку, которую Колибри медленно втыкала себе в пояс. – Это целый кинжал, это жало... Да, да, это твое жало, и ты оса, вот ты кто, оса, понимаешь?

Колибри, по-видимому, очень понравилось сравнение Кузьмы Васильевича: она залилась тонким хохотом и несколько раз сряду повторила:

– Да, я ужалю... я ужалю.

Кузьма Васильевич глядел на нее и думал: «Ведь вот смеется, а лицо всё печальное...»

– Посмотри-ка, что я тебе покажу, – промолвил он громко.

– Цо?

– Зачем ты говоришь: цо? Разве ты полька?

– Ни.

– Теперь вот: «ни!» Ну, да всё равно! – Кузьма Васильевич достал свой подарочек и повертел им на воздухе. – Глянь-ка сюда... Хороша штучка?

Колибри равнодушно вскинула глазами.

– А! Крест! Мы не носимо.

– Как? Креста не носите? Да ты жидовка, что ли?

– Не носимо, – повторила Колибри и, вдруг встрепенувшись, глянула назад через плечо. – Хотите, я петь буду?.. – торопливо спросила она.

Кузьма Васильевич сунул крестик в карман мундира и оглянулся тоже. Ему почудился легкий треск за стеной...

– Что такое? – пробормотал он.

– Мышь... мышь, – поспешно проговорила Колибри и вдруг, совершенно неожиданно для Кузьмы Васильевича, обняла его голову своими гибкими гладкими руками, и быстрый поцелуй обжег его щеку... точно уголек к ней приложился.

Он стиснул Колибри в своих объятиях, но она выскользнула, как змея, – ее стан был немного толще змеиного туловища – и вскочила на ноги.

– Постой, – шепнула она, – прежде надо кофе пить...

– Полно! Что за кофе! После.

– Нет, теперь. Теперь горячий, после холодный. – Она ухватила кофейник за ручку и, высоко приподняв его, стала лить в обе чашки. Кофе падал тонкою, как бы перекрученною струей; Колибри положила голову на плечо и смотрела, как он лился. – Вот, клади сахару... пей... и я буду!

Кузьма Васильевич бросил в чашку кусок сахару и выпил ее разом. Кофе ему показался очень крепким и горьким. Колибри глядела на него, улыбаясь и чуть-чуть расширяя ноздри над краем своей чашки. Она тихонько опустила ее на стол.

– Что же ты не пьешь? – спросил Кузьма Васильевич.

– Я... понемножку... – отвечала она.

Кузьма Васильевич пришел в азарт.

– Да сядь же, наконец, возле меня!

– Сейчас. – Она нагнула голову и, всё не спуская глаз с Кузьмы Васильевича, взялась за гитару. – Только прежде я петь буду.

– Да, да, только сядь.

– И танцевать буду. Хочешь?

– Ты танцуешь? Ну, это бы я посмотрел. Но нельзя ли после?

– Нет, теперь... А я тебя очень люблю.

– Ты меня любишь! Смотри же... а впрочем, танцуй, чудачка ты такая!

XXI

Колибри стала по ту сторону стола и, пробежав несколько раз пальцами по струнам гитары, затянула, к удивлению Кузьмы Васильевича, который ожидал веселого, живого напева, – затянула какой-то медлительный, однообразный речитатив, сопровождая каждый отдельный, как бы с усилием выталкиваемый звук мерным раскачиванием всего тела направо и налево. Она не улыбалась и даже брови свои сдвинула, свои высокие, круглые, тонкие брови, между которыми резко выступал синий знак, похожий на восточную букву, вероятно, вытравленный порохом. Глаза она почти закрыла, но зрачки ее тускло светились из-под нависших ресниц, по-прежнему упорно вперяясь в Кузьму Васильевича. И он также не мог отвести взора от этих чудных, грозных глаз, от этого смуглого постепенно разгоравшегося лица, от полураскрытых и неподвижных губ, от двух черных змей, мерно колебавшихся по обеим сторонам стройной головы. Колибри продолжала раскачиваться, не сходя с места, и только ноги ее пришли в движение: она слегка их передвигала, приподнимая то носок, то каблук. Раз она вдруг быстро перевернулась и пронзительно вскрикнула, высоко встряхнув в воздухе гитарой... Потом опять началась прежняя однообразная пляска, сопровождаемая тем же однообразным пением. Кузьма Васильевич сидел между тем преспокойно на диване

и продолжал смотреть на Колибри. Он ощущал в себе нечто странное, необычайное: ему было очень легко и свободно, даже слишком легко; он как будто тела своего не чувствовал, как будто плавал, и в то же время мурашки по нем ползали, какое-то приятное бессилие распространялось по ногам, и дремота щекотала ему веки и губы. Он уже ничего не желал, не думал ни о чем, а только ему было очень хорошо, словно кто его баюкал, «байбайкал», как выразилась Эмилия, и шептал он про себя: «Игрушечка!» По временам лицо «игрушечки» заволакивалось... «Отчего бы это?» – спрашивал себя Кузьма Васильевич. «От курева, – успокоивал он себя... – Такой есть тут синий дымок». И опять его кто-то баюкал и даже рассказывал ему на ухо что-то такое хорошее... Только почему-то всё не договаривал. Но вот вдруг на лице «игрушечки» глаза открылись огромные, величины небывалой, настоящие мостовые арки... Гитара покатилась и, ударившись о пол, прозвенела где-то за тридевятью землями... Какой-то очень близкий и короткий приятель Кузьмы Васильевича нежно и плотно обнял его сзади и галстук ему поправил. Кузьма Васильевич увидел перед самым лицом своим крючковатый нос, густые усы и пронзительные глаза незнакомца с обшлагом о трех пуговках... и хотя глаза находились на месте усов, и усы на месте глаз, и самый нос являлся опрокинутым, однако Кузьма Васильевич не удивился нисколько, а, напротив, нашел, что так оно и следовало; он собрался даже сказать этому носу: «Здорово, брат Григо-

рий», но отменил свое намерение и предпочел... предпочел немедленно отправиться с Колибри в Царьград для предстоящего бракосочетания, так как она была турчанка, а государь его пожаловал в действительные турки.

XXII

Кстати ж перед ним очутилась лодочка; он занес в нее ногу, и хотя по неловкости споткнулся и ушибся довольно сильно, так что некоторое время не знал, где что находится, однако справился и, сев на лавочку, поплыл по той самой большой реке, которая в виде Реки Времен протекает на карте на стене Николаевской гимназии, в Царьград. С великим удовольствием плыл он по той реке и наблюдал за множеством красных гагар, беспрестанно ему попадававшихся; они, однако, не подпускали его и, ныряя, превращались в круглые розовые пятна. И Колибри с ним ехала; но, желая предохранить себя от зноя, поместилась под лодкой и изредка стучала в дно... Вот наконец и Царьград. Домá, как следует быть домам, в виде тирольских шляп; и у турок всё такие крупные, степенные лица; только не годится долго на них глядеть: они начинают корчиться, рожи строить, а после и совсем распадаются, как талый снег. Вот и дворец, в котором он будет жить с Колибри... И так всё в нем отлично устроено! Стены с генеральским шитьем, везде эполеты, по углам люди трубят, и на лодке можно въехать в гостиную. Ну, разумеется, портрет Магомета... Только Колибри бежит всё вперед по комнатам, и косы ее волочатся за нею по полу, и никак она не хочет обернуться, и всё меньше она становится, всё меньше... Уже это не Колибри, а мальчик в курточке, и он его гу-

вернер, и он должен влезать вслед за этим мальчиком в подзорную трубку, и труба та всё уже, уже, вот уж и двинуться нельзя... ни вперед, ни назад, и дышать невозможно, и что-то обрушилось на спину... и земля в рот...

XXIII

Кузьма Васильевич открыл глаза. Светло кругом, тихо... пахнет уксусом, мятой. Над ним и по бокам что-то белое; он вглядывается: полог постельный. Он хочет голову приподнять... нельзя; руку... нельзя тоже. Что такое значит? Он опускает глаза... Какое-то длинное тело протянуто перед ним, и на том теле шерстяное одеяло, желтое с коричневой каймой. Тело оказывается его, Кузьмы Васильевича. Он пытается крикнуть... ничего не выходит. Он пытается опять, напрягает все свои силы... дряхлый стон раздается и дрожит под его носом. Слышатся тяжелые шаги, жилистая рука раздвигает полог. Седой инвалид в военной заплатанной шинели стоит перед ним и глядит на него... И он глядит на инвалида. Большая оловянная кружка придвигается к губам Кузьмы Васильевича. Кузьма Васильевич жадно пьет холодную воду. Язык его развязывается.

«Где я? – Инвалид еще раз взглядывает на него, уходит и возвращается с другим человеком, в темном мундире. – Где я?» – повторяет Кузьма Васильевич. – «Ну, теперь будет жив, – говорит человек в мундире. – Вы в госпитале, – прибавляет он громко, – но извольте почивать. Вам вредно разговаривать». Кузьма Васильевич готов удивиться, но снова впадает в забытие...

На другое утро явился доктор. Кузьма Васильевич при-

шел в себя. Доктор поздравил его с выздоровлением и велел перевязать ему голову.

– Как? голову? Да разве у меня...

– Вы не должны говорить, не должны беспокоиться, – перебил его доктор. – А теперь лежите смирно и благодарите всевышнего создателя. Где компрессы, Поплевкин?

– Да где же деньги... казенные...

– Ну, опять стал бредить... Побольше льду, Поплевкин!

XXIV

Прошла еще неделя. Кузьма Васильевич настолько оправился, что доктора нашли возможным сообщить ему случившееся с ним происшествие. Вот что он узнал.

Шестнадцатого июня, в семь часов вечера, посетил он в последний раз дом госпожи Фритче, а семнадцатого июня, к обеду, то есть почти через сутки, пастух нашел его в овраге возле большой Херсонской дороги, в двух верстах от Николаева, бесчувственного, с разрубленною головой, с багровыми пятнами на шее. Мундир и жилетка на нем были расстегнуты, все карманы выворочены, фуражки и кортика не оказалось, кожаного пояса с деньгами тоже. По измятой траве, по широкому следу в песке и глине можно было заключить, что несчастного лейтенанта волоком волокли на дно оврага и только там нанесли ему удар в голову, не топором, а саблей, вероятно, его же кортиком: вдоль всего следа от самой дороги не замечалось ни капли крови, а вокруг головы стояла целая лужа. Не оставалось сомнения в том, что убийцы его сперва опоили, потом пытались придушить и, отвезя ночью за город, стащили в овраг и там окончательно прихлопнули. Кузьма Васильевич не умер благодаря лишь своему поистине железному сложению. Пришел он в себя двадцать второго июля, то есть целых пять недель спустя.

XXV

Кузьма Васильевич немедленно довел до сведения начальства постигшее его несчастье, изложил все обстоятельства дела изустно и на бумаге, сообщил адрес мадам Фритче. Полиция бросилась в указанный дом, но никого в нем не нашла: птички уже вылетели из гнезда. Схватились за хозяина дома; но от этого хозяина, престарелого и глухого мещанина, большого толку не добились. Сам он проживал в другом квартале и знал одно: четыре месяца тому назад отдал он свой дом внаймы одной еврейке с паспортом, по имени Шмуль или Шмульке, которую он тогда же и прописал в части. «Приезжала к ней другая жинка, – так показывал он, – тоже с пачпортом, – но каким ремеслом они обе занимались, и то ему неизвестно; и были ли у них другие постояльцы, тоже не слыхал и не знает; а какой паренек у него в том доме жил дворником или караульщиком, и тот сошел не то в Одесь, не то в Питер; а новый дворник поступил недавно, с первого числа июля». Навели справки в полиции и по околотку; оказалось, что Шмульке, вместе с товаркой, настоящее имя которой было Фридерика Бенгель, выехала из Николаева около двадцатого июня, а куда – неизвестно. Таинственного человека с цыганским лицом и тремя пуговками на обшлагае, а равно и черномазой девки-иностранки с огромною косой никто и не видывал. Кузьма Васильевич,

как только выпи́сался из госпиталя, сам посетил роковой для него дом. В маленькой комнатке, где он беседовал с Колибри и где всё ещё пахло мускусом, находилась другая, тоже скрытая дверь; к ней-то, во второе его посещение, был придвинут диван, и через нее вошел, вероятно, убийца и обхватил его сзади. Кузьма Васильевич подал жалобу по форме; началось дело. Несколько занумерованных отношений и предписаний полетело в разные стороны; поступили в свое время надлежащие отписки и справки... но тем всё и кончилось. Подозрительные личности так и канули в воду – а вместе с ними исчезли и похищенные казенные деньги, тысяча девятьсот семнадцать рублей с копейками, ассигнациями и золотом. Сумма немаловажная в ту эпоху! Целых десять лет потом их выплачивал Кузьма Васильевич, пока не попал под всемилостивейший манифест.

XXVI

Сам он на первых порах был твердо убежден в том, что виной всей беды, начальницей заговора, была Эмилия, его коварная «Zuckerpüppchen». Он вспомнил, как в самый день последнего свидания с нею он неосторожно задремал на диване, как, проснувшись, увидел ее возле себя на коленках, и как она смешалась, и как, наконец, он в тот же вечер открыл прореху в своем поясе, прореху, очевидно, сделанную ее ножницами. «Она увидела, – думал Кузьма Васильевич, – она сказала старой чертовке и тем двум диаволам, она залучила меня, написав ко мне письмо... меня и обработали. Но кто бы мог это от нее ожидать!» Он представлял себе хорошенькое, добренькое лицо Эмилии, ее светлые глазки... «Женщины, женщины! – твердил он, скрежеща зубами, – крокодилово исчадие!» Но, переехав окончательно из госпиталя к себе домой, он узнал одно обстоятельство, которое привело его в недоумение, поставило его в тупик. В самый тот день, когда его, полумертвого, привезли в город, девушка, по всем приметам, как две капли воды похожая на Эмилию, прибежала, вся в слезах, с растрепанными волосами, к нему на квартиру и, осведомившись о нем у денщика, бросилась, как сумасшедшая, в госпиталь. В госпитале ей сказали, что Кузьма Васильевич непременно должен умереть, и она тотчас скрылась, ломая руки, с выражением отча-

яния на лице. Явно было, что она не предвидела, не ожидала убийства. Или, может быть, ее самое обманули – не выдали ей обещанной части? Раскаяние ею вдруг овладело? Но, однако ж, она потом выехала из Николаева вместе с тою отвратительною старухой, которая, наверное, всё знала... Кузьма Васильевич терялся в догадках и порядком-таки наскучил своему денщику, беспрестанно заставляя его сызнава описывать наружность прибежавшей девушки и повторять ее слова.

XXVII

Целые полтора года спустя Кузьма Васильевич получил от Эмилии – *alias*¹² Фридерики Бенгель – письмо на немецком языке, которое он немедленно велел себе перевести и впоследствии неоднократно нам показывал. Оно было испещрено орфографическими ошибками и восклицательными знаками; на конверте стоял штемпель: «Бреславль». Вот по возможности верный перевод этого письма:

«Мой дорогой, незабвенный и несравненный Флорестан! Господин лейтенант Ергенгоф!

Сколько раз я порывалась к вам писать! И всегда, к сожалению, откладывала, хотя мысль, что вы меня можете считать участницей в том ужасном злодеянии, была всегда для меня самая убийственная мысль! О, мой милый господин лейтенант! Поверьте мне, день, когда я узнала, что вы остались живы и здоровы, был самый счастливый день в моей жизни! Но я не намерена вполне себя оправдывать! Я не буду лгать! Я, точно, первая открыла вашу привычку носить деньги на вашем желудке! (Впрочем, в наших краях все мясники и торговцы мясом так поступают!) И имела неосторожность немножко сказать об этом! Я даже в шутку тогда сказала, что вот было бы хорошо взять у вас немножко этих де-

¹² иначе (*лат.*).

нег! Но старая злодейка (господин Флорестан! она *не была* моею теткой) вступила в заговор с этим безбожным извергом Луиджи и его сообщницей! Клянусь вам гробом моей матери, я до сих пор не знаю, кто были эти люди! Знаю только, что имя его было Луиджи и что они оба приехали из Бухарешта, и были, наверное, большие преступники, и прятались от полиции, и имели деньги и драгоценные вещи! Луиджи был ужасный субъект (ein schröckliches Subject), убить себе подобного (einen Mitmenschen) для него ничего не значило! Он говорил на всех языках – и это *он* тогда возвратил вещи от нашей кухарки! Не спрашивайте, как! Он всё, всё мог сделать, он был ужасный человек! Он уверял старуху, что только опойт вас немного и потом вывезет и бросит, и будет говорить, что ничего не знает и что вы сами виноваты – где-нибудь много вкусили вина! Но злодей уже тогда имел в уме, что лучше вас совсем убить, дабы ни один петух о том не прокричал! Письмо от моего имени он к вам написал, а меня старуха удалила лукавством! Я ничего не подозревала, и я ужасно боялась Луиджи! Он говорил мне: «Я зарежу, зарежу тебя, как цыпленка!» И так при этом страшно шевелил усами! Притом меня увезли в одну компанию... Мне очень стыдно, господин лейтенант! И я даже теперь плачу горькими слезами при этих мыслях!.. Мне кажется... ах! я не была рождена для таких занятий... Но этому помочь нельзя и вот как всё случилось. Потом я ужасно испугалась и поневоле уехала, потому что если бы полиция нас открыла – что бы

было со мной тогда? Проклятый Луиджи тотчас бежал, как только узнал, что вы остались живы. Но я вскорости с ними со всеми рассталась, и хотя я теперь без куска хлеба часто сижу, однако душа моя покойна! Вы меня, может быть, спросите, зачем я приезжала в Николаев? Но я не могу ничего отвечать! Я клялась! Кончаю просьбой очень, очень для меня важною: пожалуйста, когда вы будете вспоминать о вашей маленькой приятельнице Эмилии, не думайте о ней, как о черной преступнице! Вечный бог видит мое сердце. Я имею дурную нравственность (Ich habe eine schlechte Moralität) и я ветрена, но я не злодейка. И я всегда буду вас любить и помнить, мой несравненный Флорестан, и всегда буду вам желать всего хорошего на земном шаре (auf diesem Erdenrund)! Не знаю, дойдет ли до вас мое письмо, но если дойдет, то напишите мне несколько строк, чтобы я видела, что вы получили мое письмо! Этим вы очень осчастливите вашу неизменно преданную Эмилию.

P. S. Пишите под буквами F. E. poste restante¹³ в Бреславль, в Силезию.

P. S. S. Я писала вам по-немецки; я иначе не могла выразить свои чувства; но вы мне пишете по-русски».

¹³ до востребования (франц.).

XXVIII

– Ну, и что же? Отвечали вы ей? – спрашивали мы Кузьму Васильевича.

– Собирался, много раз собирался. Да как написать? По-немецки я не умею, а по-русски... Кто бы перевел ей? Так и не написал.

И всякий раз, окончив свой рассказ, Кузьма Васильевич вздыхал, качал головою, говорил: «Вот что значит молодость!» И если в числе слушателей находился новичок, в первый раз ознакомившийся с знаменитой историей, он брал его руку, клал себе на череп и заставлял шупать шрам от раны... Рана действительно была страшная, и шрам шел от одного до другого уха.

Примечания

Источники текста

Черновой автограф (глава I – середина VII). 7 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 75; описание см.: *Mazon*, p. 71; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 329.

Беловой автограф. 54 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 84; описание см.: *Mazon*, p. 70; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 312.

Рус Вестн, 1868, № 1, с. 241–271.

Т, Соч, 1869, ч. 6, с. 211–250.

Т, Соч, 1874, ч. 6, с. 211–249.

Т, Соч, 1880, т. 8, с. 79–118.

Т, ПСС, 1883, т. 8, с. 76–119.

Впервые опубликовано: *Рус Вестн*, 1868, № 1, с подписью: Ив. Тургенев.

Печатается по тексту *Т, ПСС*, 1883 со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 15, строка 11: «офицеру и дворянину» вместо «офицеру или дворянину» (по беловому автографу).

Стр. 33, строка 7: «влезать вслед за этим мальчиком» вместо «влезать за этим мальчиком» (по всем источникам до *Т, Соч*, 1880).

К работе над рассказом Тургенев приступил весной 1866 г. На обложке белой рукописи помета: «Начат в течение 1866 года». 9 (21) апреля 1866 г. Тургенев сообщал Людвигу Пичу: «... я начал небольшую повесть – идет кое-как, капля по капле». Сюжетом рассказа Тургенев поделился с Полиной Виардо, и лишь в начале 1867 г. работа над ним завершилась. Писатель отмечал, что в это время у него возник ряд замыслов. 26 января (7 февраля) 1867 г. он писал П. Виардо: «Я каждое утро работаю, как негр, над тем маленьким рассказом, о котором я вам говорил; если так будет продолжаться, я окончу его ко дню отъезда и мне удастся прочесть его вам в Берлине <...> Сегодня утром я опять работал, но не так хорошо. Я стал немного похож на вас; в голове целый рой замыслов <...> Но я буду упорствовать и не возьмусь ни за что, пока первый не будет окончательно разработан...». Замысел произведения расширялся, в рассказ включались новые и новые эпизоды. Тургенев вспоминал в письме к Я. П. Полонскому от 6 (18) марта 1868 г.: «... я ни над одной вещью так не бился, три раза переписал ее, подлую!» Особенно много и продуктивно трудился он 1 (13) февраля 1867 г.

В пометах Тургенева, фиксирующих время окончания работы над рассказом, отразилось исключительное творческое напряжение, которым сопровождалось завершение этого произведения. «Кончен в Баден-Бадене, Schillerstraße, в четверг 2 / 14 фев<раля> 1867 г. (NB. Последние 22 стра-

ницы написаны в один день)» – стоит на обложке белого автографа. В конце рукописи л. 52 значится «Баден-Баден. Schillerstraße, 277, в ночь с 1 / 13 на 2 / 14 февраля, с середины на четверг в 3 / 4 1-го». На следующий день писатель сообщал П. Виардо: «Пользуюсь моим небольшим досугом и работаю с ожесточением; вчера провел 11 часов, – повторяю: одиннадцать часов, – за писанием. Я написал тот причудливый рассказ, о котором вам говорил и который принял более значительные размеры, нежели я предполагал сначала».

Тургенев неоднократно отмечал, что работал над рассказом с подъемом: «Я всё это время работал так, что сам на себя удивляюсь. Я стораю от нетерпения прочесть Вам, что я сделал», – писал он П. Виардо 6 (18) февраля 1867 г., а 8 (20) февраля извещал уже своих адресатов П. В. Анненкова и Н. Н. Рашет о том, что рассказ «окончен и переписан». Дошедшая до нас часть чернового автографа рассказа свидетельствует об относительной легкости и быстроте работы над ним автора (сравнительно небольшое количество вставок и исправлений, небрежная скоропись почерка). Впрочем, не исключена возможность, что этот черновой автограф представляет уже копию с предшествовавшего ему варианта. Тургенев вписывает на полях рукописи дополнения, характеризующие рассказ Ергунова (см. главу I, с. 7 – «со всеми ее подробностями ~ недомолвки и пропуски») и самого Ергунова. Например, в III главе: «Начальство выдало ему, как надежному^[2] и благоразумному офицеру, довольно значитель-

ную сумму» (ср. с. 8). Дополнения характеристики Ергунова сводились к тому, чтобы возможно более подчеркнуть его «благонадежную» ограниченность и прозаическую серость. Так, в качестве вставки на полях появились слова о Ергунове: «Книг он никаким образом читать не мог, потому что от них у него тотчас делались приливы к голове. Он очень был полнокровного расположения и даже каждую весну принимал по этому случаю особый декокт». В переделанном виде это вошло и в окончательный текст (ср. с. 8). В целом же образ Ергунова, данный в привычных для Тургенева еще со времен его работы над «Записками охотника» «гоголевских тонах», легко и сразу складывался в повести.

Гораздо больше колебаний и поисков, дополнений и зачеркиваний можно отметить в эпизодах, рисующих Эмилию и ее окружение. На полях черного автографа появились такие существенные элементы ее характеристики, как немецкое слово, вставленное в ее речь, разговор ее с Ергуновым, дающий первый сигнал о ее корыстных умыслах: «— Что же, у вас большое жалование? — Нет, не очень» (ср. в окончательном тексте с. 13). На полях рукописи находятся и другие слова Эмилии, свидетельствующие о ее склонности вымогать подарки: «А у меня есть гитара, только струны порваны. Надо будет купить. Вы мне дадите денег?» (ср. в окончательном тексте с. 14). Следует отметить также, что Тургенев не сразу стал делить свой рассказ на главы. Лишь затем — и сначала на полях — появились номера глав. IV глава уже

обозначена в тексте.

В белой рукописи, начало которой (листы 1–19) почти не содержит исправлений, Тургенев затем стал производить обычные для него поправки и вписывания. Характерно, что в этих новых исправлениях он шел по тому же пути, что и в процессе работы над черновой рукописью рассказа. Наибольшей доработки потребовали эпизоды, рисующие свидания Ергунова с девушками в притоне авантюристов (XI, XIV, XV, XVI и XX главы окончательного текста). Разрабатывая образы Эмилии и Колибри, а также эпизоды, рисующие пребывание Ергунова в доме Фритче, Тургенев обогащал и разнообразил лексику своего рассказа. Рукописи «Истории лейтенанта Ергунова» отражают процесс формирования языковых характеристик героев и дают возможность проследить, как писатель добивается в данном рассказе эффекта использования иноязычных речений для воссоздания облика многонациональной среды^[3]. Главы, содержащие изображение бреда Ергунова, которые сам Тургенев считал средоточием смысла рассказа (см. его письмо М. В. Авдееву от 13 (25) января 1870 г.), в белой рукописи совершенно не подверглись исправлениям. Можно предположить, что и на первоначальной стадии работы писатель создал их легко, без большой стилистической правки, так как они входят в те «последние двадцать две страницы» рассказа, которые были написаны в течение одного дня.

Работа Тургенева над текстом рассказа в белой рукопи-

си, а также и при включении его в собрание сочинений, сводилась к внесению дополнительных подробностей в характеристику Эмилии, значительных новых черт в портрет Колибри, в эпизоды свиданий Ергунова с нею, а также в описания жилища девушек. Отметим, что некоторые уточнения, содержащиеся в тексте белого автографа, были затем изъяты автором по разным соображениям. Следовавшие за фразой: «Влюбчивый лейтенант сблизился с Эмилией» – слова: «вступил с ней в самые короткие отношения» (вариант к с. 17) – были исключены автором, по-видимому, после того, как друзья, слушавшие рассказ в его чтении, нашли некоторые его ситуации «рискованными». По соображениям автоцензуры, возможно, были выброшены и слова, следовавшие за фразой «... Кузьма Васильевич не прекращал своих посещений, а, напротив, учащал их»: «внутренне он – в качестве дворянина и офицера – возмущался неоднократно, а на деле утешался тем, что главной цели достиг, денег не тратил...» (вариант к с. 17).

15 (27) февраля 1867 г. Тургенев сообщал В. П. Боткину как об окончании «Дыма», так и о завершении работы над «Ергуновым» и выражал намерение лично привезти эти произведения в Петербург, с тем чтобы прочесть «литературной – или нет – критической братье».

Сразу по возвращении на родину – 26 февраля (10 марта) 1867 г. Тургенев прочел свой рассказ в Петербурге, в критическом «ареопаге» знакомых литераторов. Присутствовав-

шие – В. П. Боткин, П. В. Анненков, Б. М. Маркевич и В. А. Соллогуб одобрили рассказ, хотя и сделали автору некоторые замечания.

В Москве Тургенев читал «Историю лейтенанта Ергунова» у М. Н. Каткова и кн. Е. А. Черкасской. Чтения эти, особенно первое, имели своей целью главным образом ускорение публикации рассказа. Достигнув договоренности по этому вопросу с Катковым, Тургенев воспринимал ее как «компенсацию» за неприятную ему необходимость общаться с консервативной аудиторией, самые похвалы которой вызывали у него не чувство удовлетворения, а сомнения в достоинствах произведения. Именно эти ноты звучат в письме к П. Виардо от 20 марта (1 апреля) 1867 г.: «Вчера вечером мне пришлось читать мою новую маленькую повесть у Каткова. Было много малосимпатичной публики <...> Безделица моя, кажется, понравилась. Катков просил меня оставить ее для своего журнала, это главное». Любопытно, что 26 марта 1867 г. на 233 публичном заседании «Общества любителей российской словесности» Г. В. Кугушев прочел «Историю лейтенанта Ергунова» – по рукописи (см.: Общество любителей российской словесности... Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1911. Приложения, с. 121).

Очевидно, после чтений в Петербурге и Москве рассказ был еще раз переписан, так как в это время на полях белого автографа была сделана вставка в роман «Дым» (см. примечания к роману – наст. изд., т. 7, с. 523). 6 мая 1867 г. за

восемь месяцев до публикации рассказа, на поля белого автографа был также перенесен текст письма для «Бригадира» (см. примечания к этому рассказу). Таким образом, уже в первые месяцы 1867 г. писатель перестал рассматривать эту рукопись как источник для публикации «Истории лейтенанта Ергунова».

Расхождение Тургенева с Катковым, заставившее писателя впоследствии пренебречь высокими гонорарами «Русского вестника» и полностью отказаться от участия в этом издании, еще только наметилось.

На следующий день – 21 марта (2 апреля) – Тургенев сообщил П. В. Анненкову о чтении и договоренности своей с Катковым относительно печатания рассказа, но ни словом не упомянул об успехе его. Очевидно, вещь эта встретила и сопротивление ряда лиц, слышавших ее чтение в Москве, так как Тургенев утверждал впоследствии, что «о ее безнравственности заранее раструбили в публике», и сомневался в том, что Катков остается при своем намерении печатать рассказ (см. письмо Тургенева к Анненкову от 23 сентября (5 октября) 1867 г.).

Только вновь выяснив намерения редактора «Русского вестника», Тургенев выслал рассказ в Москву. При этом он внес изменения в свое произведение, учитывающие критику слушателей, и сообщил Каткову, что рассказ несколько переделан, «сглажен» (письмо от 19 ноября (1 декабря) 1867 г.).

31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.) Тургенев обращает-

ся к Кетчеру с просьбой держать корректуру рассказа в «Русском вестнике», замечая: «... рукопись моя на этот раз написана мною особенно старательно и четко».

В письме к Каткову от 17 (29) января 1868 г. писатель выражал уверенность, что рукопись его получена в редакции «Русского вестника», и просил напечатать двенадцать отдельных оттисков. 12 (24) февраля 1868 г., уже получив номер журнала с рассказом, Тургенев повторяет Каткову просьбу о присылке оттисков, отмечая попутно, что рассказ напечатан «очень исправно, без опечаток». Включая рассказ в Собрание сочинений в 1869 г., Тургенев внес в его текст некоторые изменения стилистического характера. В письме к В. Рольстону от 21 июля (2 августа) 1869 г. он предупредил, что в собрании сочинений «История лейтенанта Ергунова» появится «с небольшими добавлениями и исправлениями». Это предупреждение было необходимо ввиду того, что переводы «Истории лейтенанта Ергунова» делались в значительной части случаев по журнальным публикациям (Рольстон переводил произведения Тургенева на английский язык).

Сразу после окончания рассказа Тургенев перевел его на французский язык для П. Виардо (см. его письмо певице от 27 февраля (11 марта) 1867 г.). Затем этот перевод был отредактирован – по-видимому, с помощью Л. Виардо – и напечатан в «Revue des Deux Mondes», 1868, 1 апреля под заглавием: «L'Aventure du lieutenant Yergounof». Тургенев сам

держал корректуру (см. его письмо П. В. Анненкову от 5 (17) марта 1868 г.). Ввиду отсутствия в Париже Мериме, который в этот период редактировал переводы его произведений на французский язык, Тургенев просил просмотреть первую корректуру (гранки) перевода М. Дюкана (см.: письмо от 16 февраля 1868 г.). 28 марта (9 апреля) 1868 г. Тургенев сообщал Анненкову о французской публикации своего рассказа, расценивая появление его в столь авторитетном издании как свидетельство своей европейской популярности: «честь, которая <...> досталась, кроме меня, одному Г. Гейне».

Ознакомившись с «Историей лейтенанта Ергунова» в «Revue des Deux Mondes», П. Мериме выражал сожаление, что Тургенев не поручил ему просмотреть перевод, который, по его мнению, следовало бы лучше отредактировать (см. письмо Мериме Тургеневу от 29 апреля 1868 г. – *Mérimée*, II, 8, p. 121). Этим замечанием Мериме Тургенев воспользовался, когда принял решение издать на французском языке сборник своих рассказов. Во время пребывания в Париже Мериме, по просьбе Тургенева, просмотрел корректуру французского перевода «Истории лейтенанта Ергунова» и отослал ее издателю Ж. Этцелю (см. письмо Мериме Тургеневу от 1 (13) мая 1869 г. – там же, с. 489, 491).

В текст перевода были внесены при этом небольшие исправления. «История лейтенанта Ергунова», вместе с другими рассказами Тургенева («Ася», «Бригадир» и др.), появилась в сборнике «Nouvelles moscovites». J. Hetzel, Paris,

<1869> в переводе автора, под названием: «Histoire du lieutenant Yergounof»^[4]. Тургенев сам правил корректуру. 18 (30) мая 1869 г., после ознакомления с готовой книгой, он сообщил Ж. Этцелю об обнаруженной им анекдотической опечатке. В середине июня 1868 г. П. Виардо выслала Л. Пичу для Ю. Шмидта французский перевод «Истории лейтенанта Ергунова», напечатанный в «Revue des Deux Mondes», для осуществления перевода рассказа на немецкий язык. Перевод этот, сделанный Ю. Шмидтом, был отредактирован Л. Пичем и опубликован в немецком собрании сочинений Тургенева, выходившем в Митаве (Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe. Mitau, Behre's Verlag, 1869. Bd. II, 2 изд. 1881).

Верный своему договору с издателем Бере, Тургенев авторизовал немецкий перевод, прочтя его корректуру и исправив его («обнаружены только 3 ошибки», – писал он Л. Пичу 20 мая (1 июня) 1869 г.). Л. Пич оказался одним из немногих читателей Тургенева, отозвавшихся об «Истории лейтенанта Ергунова» с похвалой: «Я рад, что вам понравились „Fumée“ и бесенок в „Лейтенанте“», – писал ему Тургенев 15 (27) мая 1868 г.^[5]

«История лейтенанта Ергунова» была переведена на шведский язык и опубликована в 1876 г., затем последовали новые ее переводы: Гельсингфорс, 1885; Стокгольм, 1889. Произведение это обратило на себя внимание шведских читателей и литераторов. Хеннинг Бергер, известный швед-

ский прозаик, в начале своего творческого пути создал повесть «Исаиль» («Isail», 1905), представляющую собою подражание Тургеневу. Он заимствовал сюжет и ряд характеров из «Истории лейтенанта Ергунова», но перенес действие в Чикаго (см.: Lagerstedt S. Drömmaren från Norrlandsgatan. En studie i Henning Bergers liv och författarskap. Stockholm, 1963, s. 212, 283; Шарыпкин Д. М. Русская литература в Скандинавских странах. Л., 1975, с. 129).

Отзывы русской критики своей малочисленностью, беглостью и нарочитой небрежностью глубоко огорчали писателя. Именно таков был отзыв газеты «Голос», издававшейся А. А. Краевским (1868, 16 (28) февраля, № 47). Газета считала, что в произведении Тургенева передана «одна из самых обыкновенных историй», и, называя его «очерком», весь его интерес усматривала в сказе, которым ведется повествование об этом «незатейливом случае».

Критику «Голоса» вторил критик газеты «Русский инвалид». В «Журнальных и библиографических заметках» он писал: «Г-н Тургенев, кажется, возвращается назад, судя по двум новым его произведениям: „Бригадир“ (в 1-й кн. „Вестника Европы“) и „История лейтенанта Ергунова“ (1-я кн. „Русского вестника“). В изложении – прежнее мастерство, и это единственное достоинство этих рассказов; между тем как от г. Тургенева мы привыкли ожидать не пустых и старых анекдотов, как „История лейтенанта Ергунова“ <...> история, быть может, действительно случившаяся, ибо ее рас-

сказывают даже няньки и мамки» (Русский инвалид, 1868, № 52, 24 февраля (7 марта)).

На основании подобных отзывов писатель считал, что рассказ потерпел фиаско: «Не без уныния, но и не без философической твердости узнал я о судьбе, постигшей „Историю лейтенанта“, которая <...> провалилась», – писал он П. В. Анненкову 28 марта (9 апреля) 1868 г. Не могли утешить Тургенева и утверждения большинства критиков, что рассказ написан с обычным для него мастерством, поскольку за этими рассуждениями как подтекст стояла мысль о ничтожестве содержания его рассказа. Так, например, газета «С.-Петербургские ведомости» заявляла, что лишь «такой тонкий художник, как г. Тургенев, мог из столь пустенького сюжета сделать такую артистически-изящную литературную вещь». Внимание публики к рассказам Тургенева, в частности к «Истории лейтенанта Ергунова», критик «С.-Петербургских ведомостей» объяснял былой славой писателя: «Счастлив писатель, ставший любимцем публики. Каждая строка такого писателя ценится публикою <...>, каждый рассказец его, будь он даже в две с половиною странички, привлекает к себе общее внимание, возбуждает толки и сопровождается похвалами. Всё это пришло мне на мысль по прочтении нового рассказа г. Тургенева в январской книжке „Русского вестника“» (*СПб Вед*, 1868, 24 февраля (7 марта), № 53).

Не все читатели и критики произведений Тургенева признавали даже чисто литературные достоинства рассказа «Ис-

тория лейтенанта Ергунова». Критик П. М. Ковалевский заявлял, что рассказ написан Тургеневым «впопыхах и фельетонно». Это мнение, сообщенное Тургеневу Полонским, поразило писателя своей несправедливостью. В письмах к М. В. Авдееву от 18 (30) апреля 1868 г. и 13 (25) января 1870 г. он защищал свое произведение от этих нападков и раскрывал те психологические задачи, которые ставил перед собой, создавая его. Особенное сопротивление вызывали у него попытки мистического истолкования рассказа. «... что собственно *мистического* в „Ергунове“, я понять не могу – ибо хотел только представить *незаметность* перехода из действительности в сон, что всякий на себе испытал; но могу Вас уверить, что меня исключительно интересует одно: физиономия жизни и правдивая ее передача; а к мистицизму во всех его формах я совершенно равнодушен...», – писал Тургенев М. В. Авдееву 13 (25) января 1870 г.

Условные сокращения

Архивохранилища

Bibl Nat – Национальная библиотека (Париж).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Алексеев – Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. – В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 1, с. 37–80.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания.

М., 1960.

Анненков и его друзья – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Антокольский – Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб.; М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1905.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чит – «Библиотека для чтения» (журнал).

Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Боткин и Т – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Гончаров – Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1952–1955.

Гончаров и Тургенев – И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров, Необыкновенная история – Гончаров И. А. Необыкновенная история. – В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1, с. 7–189.

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Григорьев — Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Страхова, 1876. Т. I.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Грузинский – Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918.

Гутьяр – Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Для легкого чтения – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Достоевский, Письма – Достоевский Ф. М. Письма, тт. I–IV. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ – Academia – Гослитиздат, 1928–1959.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья – Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., т. I–VI, Academia; т. VIII–IX, Госкультпросветиздат. М.; Л., 1932–1951.

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, Ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, Т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Иванов — Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин — Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., [1917]. Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Клеман – Клеман М. К. И. С. Тургенев – переводчик Флобера. – В кн.: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88–126.

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Куприевич – Куприевич А. А. «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Диалоги» Леопарди. – В кн.: *Minerva*. Сборник, изданный при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев, 1913. Вып. 1.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит Музеум – Литературный Музеум (Цензурные мате-

риалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Лит учеба – «Литературная учеба» (журнал).

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Львов-Прач – Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Мазон – Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.; Л.: Academia, 1931.

Моск Вед – «Московские ведомости» (газета).

Моск Вестн – «Московский вестник» (журнал).

Москв – «Москвитянин» (журнал).

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Никитенко – Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. Л.: Гослитиздат, 1955–1956.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Отчет ИПБ – Отчеты императорской Публичной библиотеки.

ПД, Описание – Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, вып. IV, И. С. Тургенев. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Писемский – Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Поляк – Поляк Л. М. История повести Тургенева «Клара Милич». – В кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Под ред. Н. К. Пиксанова. «Никитинские субботники». М., 1927.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Пыпин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Революционеры-семидесятники – И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Рус Сл – «Русское слово» (журнал).

Рус Ст – «Русская старина» (журнал).

Рында – Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Сакулин – Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М., 1918.

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). *Соболевский* – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

СПб Вед – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их

переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т и Савина – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.

Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.

Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).

Т сб (Пиксанов) – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, 1856 – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.

Т, Двор гнездо, 1859 – Дворянское гнездо. Роман И. С. Тургенева. М., 1859.

Т, Дым, 1868 – «Дым», соч. Ив. Тургенева. М.: Изд. 1-е и 2-е бр. Салаевых, 1868.

Т, Отца и дети, 1862 – «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1860–1861 — Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1869 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1880 — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Соч, 1891 – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.

Т, Сочинения – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС – Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, СС, 1975 – Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).

Т, Стих, 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955

(Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).

Твори путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Театр насл — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.

Толстой – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.

Труды ГБЛ – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.

Тучкова-Огарева – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Успенский – Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1940–1954. Т. 1–14.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

Фигнер – Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Изд. 2-е. М.: Изд. Общества политкаторжан. 1932.

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.

В 15-ти т. М: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).

Шаталов – Шаталов С. Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Арзамас, 1961.

1858, *Scènes, I* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, *Scènes, II* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

BE – «Вестник Европы» (журнал).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguénef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Flaubert, Correspondance – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris: L. Conard, 1926–1930, séries I–IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830–1880). Paris, 1954. Т. 1–4.

Granjard, Ivan Tourguénev – Ivan Tourguénev, la comtesse

Lambert et «Nid de seigneurs», par Henri Granjard. Paris, 1960. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, t. XXXI).

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée – Mérimée Prosper. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1–6. Paris, «Le Divan», II série, t. 1–9. Toulouse, Privat.

T, Nouv corr inéd – Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Zabel – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

...в тогда еще новом городе Николаеве... – Николаев был основан в 1789 г.

2.

В черновом автографе – первоначально – «благонадежному».

3.

См.: Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева-романиста. М., 1958, с. 328–335; Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева. – Т, ПСС и П, Письма, т. I, с. 68.

4.

См.: Горохова Р. М. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites». – Т сб, вып. 1, с. 257–260, 267–269.

5.

О немецких переводах этой новеллы и других произведений Тургенева 60-х – 70-х гг. см.: Dornacher Klaus. Bibliographie der deutschsprachigen Buchausgaben der Werke I. S. Turgenews 1854–1900. – Pädagogische Hochschule «Karl Liebknecht». Potsdam, 1975, Heft 2, S. 285–292.